

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию
Зои Михайловны Дашевской
«Зарождение и развитие исторической литургики
в духовных академиях Российской империи (1808–1884 годы)»
по специальности 5.6.1. Отечественная история
(исторические науки)**

Изучение истории духовного образования и науки, начатое еще в дореволюционную эпоху в комплексных работах, стало одним из ключевых направлений историко-теологического синтеза в последние годы XX века и в первой четверти века XXI-го. Сегодня это – крупное направление науки, которое, в зависимости от предметной области, требует более исторических или богословских компетенций. Обобщающие работы о истории и реформах системы духовного образования, системе научно-богословской аттестации и содержании научно-богословских исследований в XIX (особенно после 1870 г.) – начале XX в., написанные Н. Ю. Суховой, создали прекрасный каркас для тематических исследований. В рамках этой схемы изучаются истории кафедр отдельных духовных академий. Диссидентант – Зоя Михайловна Дашевская – справедливо указывает на то, что изучение науки и учебных дисциплин, в которых изучалась бы историческая литургика, «в России не становилось предметом комплексного научного исследования» (Т. 1, С. 4). Поэтому представленная на защиту диссертация «Зарождение и развитие исторической литургики в духовных академиях Российской империи (1808–1884 годы)», с одной стороны, прекрасно вписывается в тенденцию к изучению духовного образования и науки в рамках тематических направлений, а с другой стороны, закрывает важную лакуну в науке, до сих пор изучавшуюся только на материале конкретных научных биографий, рефлексии определенных научных наблюдений литургистов дореволюционной поры или отдельных их книг и статей. Поэтому комплексное исследование Зои Михайловны можно только приветствовать.

Диссертация имеет стройную и логичную структуру, с достаточной полнотой отражающую как содержание диссертации, так и аспектов самого предмета исследования.

Логика построения введения не вполне традиционна. Обосновав актуальность своего исследования и описав в целом его проблематику, диссидентант взялась описывать историографию, хотя объект и предмет еще не сформулированы. Представляется, что лучше было бы пойти традиционным путем. Если таковы требования МГУ, то приходится пожалеть, что «прокрустово ложе» правил заставляет ломать исследовательскую логику. Само по себе описание историографии выглядит фундаментальным, аналитическим, практически исчерывающим. Здесь рассмотрена практически

вся литература, касающаяся литургики в XIX веке, а также последствий ее развития в начале XX века. При этом издания источников и литература чрезвычайно многочисленны. Добавить можно совсем немногое и незначительное, практически не влияющее на полноту обзора: краткий обзор истории литургической мысли дал в заметке 1970 года А. И. Георгиевский (Выступление по докладу еп. Питирима (Нечаева) // Богословские труды. Сб. 5) и поскольку диссертант в историографическом обзоре коснулась изучения формирования канона в связи с исследованиями Р. Н. Кривко, можно было бы также упомянуть похожий обзор, сделанный в докторской диссертации протодиаконом В. В. Василиком, опубликованной в виде монографии (Происхождение канона. История, богословие, поэтика. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 38-39). Обычные элементы введения сформулированы четко и убедительно. Описание методологической базы содержит также характеристику понятийного аппарата. Отдельно рассматривается источниковая база (что подчеркивает нетрадиционность построения введения). Автор использовала очень много архивного материала из восьми архивохранилищ: РГИА, ОР РНБ, ОР РГБ, ЦГАМ, ЦГИА СПб, ГА РТ, ИИМК РАН и Парижского католического института. Поскольку в центре внимания диссертанта история духовного образования, опубликованные источники весьма многочисленны и обширны (особенно конспекты лекций, диссертации и периодика), что отражено в диссертации. Положения, выносимые на защиту, возражений не вызывают.

Начало первой главы является фактически продолжением введения, и в таком виде выглядит излишним. Первый параграф посвящен генезису исторической литургики как направления в рамках формировавшихся в 1808-1814 годах (вплоть до 1839 года, но после 1814 года – совсем бегло) учебных программ академий и семинарий. Автор резонно отмечает то, что историческая литургика присутствовала в содержании курсов «исторических наук», с самого начала рассматривавшаяся как элемент исторического знания, хотя метадисциплинарные связи прослеживаются на этом, самом раннем этапе, с богословскими науками («Герменевтика и изъяснение или археология церковных обрядов») и каноническим правом.

Во втором параграфе первой главы Зоя Михайловна на текстах архим. Филарета (Дроздова) пытается показать содержательное становление исторической литургики. Для нее важен дедуктивный подход, помогающий вычленить и «утвердить» искомую историческую литургику. На самом же деле, архим. Филарет еще не идет дальше синтеза библейско-историко-литургических древностей, т.е. просто древностей как таковых. При этом богослужение понимать как исторически развивающееся явление он еще не мог, и об этом наглядно свидетельствует привлекаемый им список литературы, ни книга митр. Гавриила (Петрова), ни «Новая скрижаль» не исходили из идеи развития богослужения. Только пособие

И. И. Дмитриевского, как убедительно показывает диссертант», имеет историческую основу. Здесь был бы уместен экскурс в XVIII век, в котором основы исторической литургики вынужденно, в рамках полемики с миссионерами господствующей Церкви, вызрели в ранней старообрядческой литературе – Поморских и Керженских ответах. Литература же эпохи барокко, создававшаяся в синодальной Церкви, строилась на декларации древности богослужения «никоновой справы» и потому более нуждалась в понятийном аппарате, чем в ретроспекции. Именно с этим багажом богословское знание подошло к эпохе создания академических курсов. Однако и в рамках противостарообрядческой полемики историческая литургика сулила определенную ценность. Хотя автор выделяет основы исторической литургики во второй половине 1830-х годов, приводимый материал свидетельствует, что учение о развитии богослужения оставалось одним из невыделяемых элементов в изучении церковных древностей. Оригинальный подход имел место в Киевской Духовной Академии, где архим. Иннокентий (Борисов) выделил как синтетический предмет «эклезиастику». Впрочем, диссертанту важно показать, что этот элемент был, и это (в рамках изучаемой темы) справедливо.

В третьем параграфе дается подробный обзор литургической литературы, вышедшей за тот же период. Он, кажется, почти исчерпывающий, однако отмеченные работы иногда выходят за рамки темы – они могли быть написаны вообще сторонними по отношению к духовным школам людьми (сн. 286) или выпускниками, писавшими после окончания и уже не будучи связаны с духовными школами (сн. 299). Диссертант удачно вписывает историю формирования историко-литургической литературы в направления, сложившиеся в духовных академиях.

Вторая глава открывается подробно изложенной историей формирования литургики как отдельной дисциплины, в которой особенно выделена роль В. И. Долоцкого, оцененного сдержанно (Т. 1, С. 103), что совершенно справедливо, А. Л. Катанского и других. Оценивая как труднореконструируемую историю преподавания богослужебных дисциплин в Киевской Духовной Академии и как фактически отсутствующую в Казанской – до прихода на преподавательскую должность А. С. Павлова, диссертант справедливо отмечает литургико-канонический подход, восторжествовавший в Казанской академии. Однако работы Павлова по каноническому праву и древнерусской книжности говорят о том, что исторический дискурс был для него базовым, и что в любых дисциплинах, которыми ему приходилось заниматься, проблема генезиса и развития были для него основными, что не могло не сказаться на преподавании им литургики.

Ценность историографических экскурсов в рамках каждого из рассматриваемых периодов составляет обзор источников для крупных работ

известных российских литургистов. Эта ценность в полной мере проявилась во втором параграфе второй главы. Здесь излишним является рассмотрение учебника для семинарий прот. Д. Смоловича, который не только не относится непосредственно к академическому наследию, но и содержит лишь упоминания исторического подхода. При всей полноте обзора научной литературы, описанной в третьем параграфе, опять-таки излишними являются публикации, не имевшие отношения к духовным академиям (Т. 1. С. 135-139, 146, 156-157), или нужно было особо обозначить их как выпускников академий, развивавших в своих последующих работах те интересы, которые развились в годы обучения.

Третья глава открывается обзором уставов 1869 и 1884 годов, который сам по себе ничего нового не содержит, однако в нем сделано важное наблюдение: хотя устав 1884 года обычно оценивается негативно с точки зрения становления церковной науки, для развития литургики его введение оказалось очень ценным. Обзор преподавания литургики в этот период подразделен Зоей Михайловной на подпараграфы, каждый из которых посвящен той или иной академии. Особенно подробно она проанализировала подходы Н. В. Покровского (со справедливой характеристикой «компилятивности» его подхода, Т. 2, С. 19), И. Д. Мансветова (аккуратно диссертант обозначила знакомство с мнением А. М. Пентковского о плагиате А. П. Голубцовым учебных наработок И. Д. Мансветова), короче – А. А. Дмитриевского и Н. Ф. Красносельцева. При том, что анализ очень подробный и глубокий, несколько раз мелькают оценки взглядов ученых, исходя из современных нам представлений о развитии богослужения. Этого, конечно, тщательно нужно избегать. Впрочем, таких мест совсем немного, и эта условно перспективная критика, к счастью, не развита. При обзоре учебников автор также, давая детальный их анализ, увлекается и описывает книги, не относящиеся к проблематике диссертации (Т. 2, С. 42-43).

В четвертой главе в центре внимания диссертанта оказывается литургическая наука в годы действия устава 1869 года. Параграф «публикация литургических источников» отрывается публикацией Дидахи и рефлексией на него ученого сообщества в России. Несомненно «Учение двенадцати апостолов» дает богатую пищу для ранней истории богослужения. Однако здесь диссертант встает на зыбкую почву междисциплинарных связей, от которой она ушла по мере выделения исторической литургики в отдельную дисциплину и науку. Дидахи с начала научного изучения памятника, в силу его раннего происхождения и вероучительного содержания, оказался уделом патрологов. Если искать в древних текстах литургические формулы, то тогда в диссертацию нужно включать, хотя бы частично, библеистику, когда речь идет о содержащихся в Новом Завете литургических формулировок, повлиявших на последующее становление христианского богослужения, а также введения их в научно-

литургический оборот в русских духовных школах; Апостольские постановления, изданные на русском языке в Казани в 1864 году, также как Дидахи содержащие литургические формулы, и многое другое. При таком подходе по непонятным причинам остались «за бортом» такие важные с литургической точки зрения тексты, как памятники покаяльной дисциплины (обычно рассматривавшиеся, правда, с позиций пасторологической, литературной или правовой) или издание «Русской исторической библиотеки», особенно 6 тома. Такой подход привел бы к тому, что диссертация стала бы совершенно неподъемным и необъятным трудом. Прежде чем браться за такой трудный раздел, следовало бы ввести четкие критерии отбора текстов, научная рефлексия которых представляет интерес для темы диссертации. И конечно, литургическое содержание должно довлечь над остальным. Поэтому не могу поддержать включение в диссертацию как описания изучения и издания Дидахи, Номоканона при Большом требнике (где требник – лишь памятник, к которому исторически оказался «приложен» этот чисто правовой, но не литургический сам по себе сборник) (Т. 2, С. 48-51). Необъятность задачи заставила диссертанта делать слишком обобщающие характеристики, скажем, при упоминании исследования материалов из монастырских библиотек (Т. 2, С. 56, 60). Иногда Зоя Михайловна комментирует издания, вообще не относящиеся к литургике (Т. 2, С. 61). Этот параграф, единственный в диссертации, можно считать неудачным.

Куда ближе к проблематике исследования следующий параграф, касающийся вопросов устава. Однако и здесь можно предъявить схожие претензии. Почитание святых и литургическое его проявление в виде бытования синодиков изучалось весь XIX век, и академическая наука в этом изучении участвовала мало: в основном это был интерес Общества любителей древней письменности или Общество истории и древностей Российских. Архим. (позднее архиеп.) Сергий (Спасский) попытался «догнать» ускользающую церковную проблематику, приватизированную университетской наукой, но сам он не указывал на литургическую сторону своего исследования как на основную. Тогда уж следовало бы упомянуть и о трудах архим. Леонида (Кавелина) (который, правда, не имел духовного образования, был наместником Троице-Сергиевой Лавры, но с академией связан не был) и архим. Макария (Булгакова). Касаясь темы месяцесловов упущенное оказалось работа Г. Булашева, выпускника Киевской духовной академии, «Месяцесловы святых при рукописных богослужебных книгах церковно-археологического музея» (1882). Зато характеристики работ И. Д. Мансветова и Н. Ф. Красносельцева в диссертации достойны всяческой похвалы (единственное – излишняя рефлексия на работы Р. Тафта – между исследователями слишком большой временной и научный диапазон, и едва ли можно бездоказательно утверждать прямую рецепцию идей Мансветова и

Красносельцева без посредства ряда прочих, почти всего XX века). В подпараграфе про последования литургии есть описание научных трудов А. Л. Катанского, а также снова – И. Д. Мансветова, только уже на иную соответствующую проблематику. Аналогичный подпараграф, посвященный изучению таинств, содержит анализ работ А. Л. Катанского, А. И Алмазова, а также Н. Ф. Красносельцева – о древней погребальной культуре. В этих параграфах приведена также реакция на большинство этих исследований со стороны А. А. Дмитриевского. Такого же рассмотрения в отдельном подпараграфе удостоилось богослужение в Русской Церкви, где, кроме работ уже названных исследователей, отрефлексирована книга Н. Ф. Одинцова.

Диссертация, безусловно, очень достойная, и оппонировать ей – большое удовольствие ввиду высокого качества исследования. Убежден, что диссертацию, без последней, четвертой главы, или после кардинальной ее переработки, необходимо издать в виде научной монографии. Однако, помимо некоторых частных критических замечаний, можно привести еще неточности и пожелания на будущее.

Неточности таковы: начиная с Т. 1, С. 19 и неоднократно далее известный современный лингвист Михаил Желтов именуется протоиереем, справедливости же ради нужно отметить, что он в сане священника. То же касается на С. 21-22, Т. 1 упоминаемого Петра (Еремеева) как «иеромонаха (в настоящее время игумена)». В Русской Церкви он лишен сана, а в Болгарской, в которой он полгода назад очутился, он уже архимандрит. При подготовке рукописи к печати стоит обратить внимание на унификацию написания богослужебных книг со строчной или с заглавной букв. Кое-где встречается незначительное дублирование сведений, которого можно избежать.

Диссертация очень большая, и некоторые (небольшие) фрагменты надо бы убрать. Однако есть перспектива и на будущее. На мой взгляд, оказались упущенными (еще раз повторю, объем диссертации таков, что не делает это упущение именно для диссертационного исследования сколь либо критичным) целых два (как минимум) направления, где в академической науке бытова историческая литургики. Первое – чисто историческое. В многотомнике «История Русской Церкви» епископа Макария (Булгакова), тогда – ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии, практически в каждом томе есть раздел «Богослужение», в котором оно подано именно с позиции исторической литургики, а высочайший его профессионализм и знания делают ценными его наблюдения именно как исследователя. То же можно сказать и о «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского, критический подход которого более чем соответствует изучаемой проблематике, а второй том начинается с истории развития архитектуры и устройства храма и плавно переходит в историческую литургику. Другие исторические комплексные работы, вероятно, более представляют меньшую

ценность, но и в них можно найти то, что представляет интерес для З. М. Дашевской. Второе направление не успело к 1884 году заметно развиться, но фундаментальная основа была заложена именно в последнее десятилетие рассматриваемого в диссертации периода – это история и обличение раскола (по названию бывшей тогда учебной академической дисциплины). Наибольшего успеха в области литургики она достигнет в первые полтора десятилетия XX века, однако переоценить для нее издание Н. И. Субботина «Материалов по истории раскола за первое время его существования» невозможно. Сориентироваться в литературе о старообрядчестве могут помочь работы В. В. Молзинского, много лет занимавшегося историографией старообрядчества.

Подводя итог, могу утверждать, что диссертация «Зарождение и развитие исторической литургики в духовных академиях Российской империи (1808–1884 годы)» является прекрасным, глубоким, почти исчерпывающим на данный момент, завершенным самостоятельным научным исследованием и вносит значительный вклад в изучение становления исторической литургики как учебной и научной дисциплины в церковной академической науке XIX века. Если бы диссертация касалась сугубо литургической проблематики, ее следовало бы рассматривать в диссертационном совете по теологии. Но поскольку речь идет об истории образования и науки, а богословская составляющая в методах отсутствует, а в содержании – вторична, диссертация, несомненно, посвящена исключительно исторической проблематике, и потому можно утверждать, что она соответствует паспорту научной специальности «История». Структура работы логична, научно-справочный аппарат соответствует требованиям. В конце диссертации приведен огромный, но прекрасно структурированный список источников и литературы. Диссертация выполнена на высоком научном уровне, основные выводы автора убедительны и не вызывают возражений. Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Основные результаты исследования опубликованы в достаточном объеме в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, а также иных изданиях.

Диссертация З. М. Дашевской отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата

наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, Зоя Михайловна Дащевская заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук, кандидат богословия,
проректор по научно-богословской работе,
профессор кафедры церковной истории,
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Константин Александрович Костромин

07.11.2025

Контактные данные: тел.: +7 (812) 717-33-51, e-mail: kancilaria@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного Канала, 17

Тел.: +7 (812) 717-33-51, e-mail: kancilaria@yandex.ru